

СИНТАКСИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ NVN₂ prep. N₃ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

ЙОНЕ ГРИГАЛЮНЕНЕ

Посессивность является одной из семантических универсалий, присущих всем языкам. Отношение посессивности выражается весьма разнообразными средствами. Во многих языках это отношение помимо лексических средств выражения посессивности (притяжательного местоимения, прилагательного) может передаваться и с помощью семантико-синтаксических структур.

Настоящая статья посвящена проблемам синтаксического посессива, т. е. использованию набора лексем в определенных моделях, передающих отношение посессивности. Синтаксический посессив уже не раз становился сферой исследований. В последнее время вопросам синтаксического посессива посвящены работы Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1967, 1971, 1974, 1983], А. В. Головачевой [Головачева, 1981], Г. Е. Крейдлина и Е. В. Рахлиной [Крейдлин, Рахлина, 1983], О. Н. Селиверстовой [Селиверстова, 1977, 1983], на материале английского языка этими проблемами занимались А. Вежбицка [Wierzbicka, 1976, 1979, 1980], М. Ивиц [Ivič, 1970], Ч. Филмор [Fillmore, 1969].

1.1. В настоящей статье будет рассматриваться синтаксическая модель типа X kissed, tapped, knocked, patted, stroked Y on the Z (cheek, nose). Эта конструкция может быть названа посессивной, потому что в ней обязательно предполагается отношение посессивности между денотатом дополнения и денотатом имени предложной группы (между Y и Z)¹.

В лингвистической литературе уже отмечалось [Ivič, 1970, p. 258], что обязательным условием правильности употребления предложений типа He knocked (tapped, struck, hit) me on the head (face, cheek) является наличие отношения посессивности (посессора и его неотъемлемой части); предложения, где это отношение отсутствует, считаются неправильными:

He knocked me *on the bag.

He struck me *on the book.

¹ Y и Z употребляются для обозначения как слова, так и его денотата.

В статьях Ч. Филлмора и А. Вежбицкой [Fillmore, 1969, p. 373; Wierzbicka, 1976, p. 152] подчеркивается тот факт, что в данной модели выступает определенный тип глаголов, которые они относят к классу предикатов прикосновения, установления физического контакта. Особенностью таких глаголов является то, что они обычно обозначают такое действие, которое непосредственно направлено на какую-то часть объекта, и в связи с этим встает проблема соотношения целого и части, т. е. выделение условий, влияющих на употребление слова, обозначающего целое, вместо слова, обозначающего часть. А. Вежбицка выдвигает 2 условия, при которых возможно обозначение целого вместо части, несмотря на то, что действие непосредственно направлено на часть объекта. Первое условие — однородность объекта. Этим признаком она объясняет возможность употребления, напр.: Я ПОЦЕЛОВАЛ СТЕНУ. Она считает, что возможность этого словосочетания определяется тем, что несмотря на то, что контакт связан с частью, эта часть представляет объект в целом вследствие однородности объекта. Напротив, часть комнаты не является комнатой, а часть дома — домом и мы не можем их целовать. Второе условие — это фактор величины. Объект должен быть разумно маленьких размеров (*reasonably small object*).

Мы, однако, не можем полностью согласиться с предложенным объяснением. Представляется, что выделенный признак однородности не влияет на выбор объекта. Предложения типа ОН ПОЦЕЛОВАЛ СТОЛ, ЗА КОТОРЫМ КОГДА-ТО СИДЕЛА ОНА являются правильными, хотя ни один носитель ни русского, ни английского языков не назовет отдельную часть стола (ножку, крышку) столом. Фактор величины, хотя и оказывает определенное влияние, не является ведущим. Подтверждением этого может служить тот факт, что глагол *to kiss* может сочетаться и с существительными, обозначающими предметы очень больших размеров типа земля, скала, стена, и с существительными, которые указывают на предметы маленьких размеров.

Исходя из того, что глагол *to kiss* является предикатом прикосновения, установления физического контакта, в качестве главного условия, влияющего на выбор существительного, стоящего в позиции дополнения, мы выделяем наличие поверхности у объекта, т. е. субъект должен иметь возможность соприкасаться с поверхностью объекта (мы не можем соприкасаться с поверхностью комнаты, потому что у комнаты ее нет).

Для объяснения указанного типа запретов, как представляется, важным является еще одно условие, а именно: субъект действия должен находиться вне того объекта, на который направлено действие. Выделенный признак объясняет запрет на использование слов типа ОСТРОВ в позиции дополнения при глаголе *kiss* (нельзя одновременно находиться вне острова и целовать его).

Кажется, что за выделенными нами признаками (наличие поверхно-

сти, нахождение субъекта вне объекта) стоит идея целостности, т. е. объект должен восприниматься как нечто „целое“. Так, предложение ОН БЫЛ В ТАКОМ ВОСТОРГЕ, ЧТО ПОЦЕЛОВАЛ ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ ЭТОТ ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК возможно только в том случае, если субъект находится вне объекта (дома), и может представить его как нечто целое, как целостность. Если же субъект находится внутри объекта (дома), то самим своим пребыванием внутри он „нарушает“ целостность объекта, и предложение типа НАХОДЯСЬ В ЭТОМ ПРЕКРАСНОМ ДОМЕ, ЛЮБУЯСЬ И ВОСХИЩАЯСЬ ЕГО ИЗУМИТЕЛЬНЫМ ИНТЕРЬЕРОМ, ОН НЕ ВЫДЕРЖАЛ И *ПОЦЕЛОВАЛ ЭТОТ ДОМ не воспринимается как правильное.

Нами выделяется и еще одно условие — затронутости объекта в целом (об этом см. ниже).

1.2. На основании тех признаков, которые выделила А. Вежбицка (величина, однородность), имена лиц типа John, Mary составляют особое исключение. А. Вежбицка, рассматривая предложения John kissed Mary's hand; John patted Mary's shoulder отмечает, что часть Марии (ее рука, плечо) не является Марией и следовало бы ожидать, что и предложение John kissed Mary будет также неправильное, как и John kissed *the room. На самом же деле предложение John kissed Mary является абсолютно правильным. Отсюда счла делает вывод, что приведенный материал иллюстрирует принципиальное различие в поведении существительных со значением лица и не лица. Однако в соответствии с теми признаками которые мы выделили выше, возможность употребления существительных в функции дополнения типа John, Mary подпадает под сформулированное нами общее правило (наличие поверхности, нахождение субъекта вне объекта). Таким образом, как представляется, заполнение третьей позиции в модели NVN₂ при глаголах типа kiss регулируется теми же правилами независимо от того, является ли объектом лицо или предмет.

2.1. Различие между именами лиц и не-лиц находит проявление в рассматриваемой модели при ее расширении с помощью предложной группы. Так, А. Вежбицка обращает внимание на то, что предложения типа John kissed Mary on the cheek являются правильными, в то время как предложения того же типа, но в позиции дополнения которого стоит неодушевленное существительное, невозможны:

He kissed *the book on the cover.

Ср. с рус.: Он поцеловал Марию в щеку.

Он поцеловал *книгу в обложку.

Она предлагает следующее объяснение отмеченного расхождения в употреблении. Она справедливо обращает внимание на то, что в ситуациях, связанных с человеком, описанные действия приводят к определенной реакции „владельца“ тела на действия, затрагивающие его часть. Отсюда она делает вывод, что глубинно-семантическая структура предложения

типа *John kissed Mary* в действительности как бы предполагает какой-то необозначаемый физический объект, т. е. какую-то часть тела, соприкосновение с которым вызывает ответные действия, субъектом которого является *Mary*. Таким образом, истинный объект и семантическая позиция объекта в предложении типа *John kissed Mary* оказывается незаполненным и можно добавить такой член предложения, который вводит истинный объект действия: *John kissed Mary on the cheek*. Напротив, в предложении типа *John kissed the table* слово *the table* является объектом действия и не может быть введен другой объект, который бы выполнял эту семантическую функцию.

Нам представляется данное объяснение не совсем убедительным, а критерии, приведенные А. Вежбицкой в пользу признания грамматического объекта в предложении типа *He kissed Mary on the cheek* субъектом какой-то другой ситуации, недостаточными, и мы попытаемся предложить другое объяснение.

Мы полагаем, что *Mary* в предложении *John kissed Mary* не только обозначает формальное дополнение, но и выполняет функцию семантического объекта действия. Возможность восприятия *Mary* в качестве объекта действия объясняется именно тем свойством живых существ, что они способны ощущать каждое соприкосновение с частью их тела; следовательно, действие, направленное на их часть, непосредственно затрагивает их в целом, и таким образом фактически направлено на них. Более того, ведь действия типа поглаживание, целование, как и отмечает сама А. Вежбицка, не указывают на просто физический контакт, а служат для выражения определенного отношения субъекта действия к лицу, на которое направлено действие. И это отношение непосредственно касается именно личности данного лица, а не какой-то его отдельной части. Поэтому наиболее естественно объектом таких действий считать именно самого человека в целом, а не его часть. Предложная группа *on the cheek* в данном случае выполняет лишь функцию локального уточнителя и указывает непосредственно на то место, где „локализуется“ физический контакт.

Недопустимость предложения *He kissed the *table on the top* (Он поцеловал *стол в крышку) можно объяснить тем, что неодушевленный объект ничего не испытывает. Если же говорящий не хочет быть очень точным, то он может выбрать существительное, обозначающее объект в целом, просто потому, что часть принадлежит целому, и, следовательно, есть возможность указать на целое вместо части. Но если дается более точное указание того места, на которое направляется действие, то именно это место и будет объектом, и в этом случае „целое“ не может рассматриваться как объект, потому что дан другой, более точный объект действия.

Таким образом, мы принимаем другое объяснение различия в упо-

треблении, которое более непосредственно соответствует грамматической структуре данных предложений. Мы считаем, что формальное дополнение в предложении типа *He patted her on the cheek* является также и истинным объектом действия, а предложная группа рассматривается нами как локальный уточнитель. Заметим также, что сама А. Вежбицка писала о том, что „модный в настоящее время взгляд, согласно которому явные грамматические категории — семантически пустые и поверхностные явления, а какое бы то ни было отношение к семантике (или к лежащим в основе ментальным структурам) имеют лишь скрытые категории, представляет собой весьма парадоксальный итог замечательных поисков скрытых языковых категорий. Современная литвистика (в особенности трансформационная грамматика) убедительно продемонстрировала реальность и значимость скрытых категорий, но не перестаралась ли она, придя к заключению, что в большинстве случаев только скрытые категории действительно реальны? Почему языки должны обременять говорящих сотнями явных категорий, лишенных какой бы то ни было семантической значимости? Не разумнее ли полагать, что скрытые категории функционируют в языке наряду с явными (в связи с недостаточностью последних для сложных целей человеческой коммуникации)? [Wierzbicka, 1980, p. XVII—XVIII].

То, что глаголы типа *to kiss, to stroke, to strike, to pat* имеют своим непосредственным объектом лицо, подтверждается также нехарактерностью употребления предложений типа *She struck his face*. „Он” не может быть затронут тем действием, которое совершает „она”, и потому более естественным является предложение *She struck him in the face*.

Итак, несмотря на то что действие непосредственно направлено на отдельную часть объекта, в функции дополнения часто, а иногда и обязательно, выступает слово, обозначающее объект в целом. Отнесенность действия ко всему объекту может определяться, во-первых, тем, что объект — чувствующее существо, и, как следствие этого, испытывает воздействие, оказываемое на его часть. Во-вторых, можно считать, что действие направлено не на часть, а на весь объект, если это действие символизирует определенное отношение к объекту в целом. Часто эти два условия соединяются. Однако даже при наличии перечисленных условий иногда сформулированное выше правило может нарушаться, и в функции дополнения может выступать слово, обозначающее часть. Рассмотрим эти исключения. Так, можно сказать: *He kissed her hand*, а в отдельных случаях: *He kissed her lips, her eyes, her forehead*. Что касается предложения *He kissed her hand*, то на это уже обращал внимание Ю. Д. Апресян [Апресян, 1983, с. 7], и мы на этом не будем останавливаться, он объяснял это тем, что целование руки — ритуализованная форма светского приветствия, где объект действия может не совпадать с объектом чувства. Однако такое условие не объясняет

все возможные случаи употребления слова, обозначающего часть вместо слова, обозначающего целое. Так, можно сказать: He was kissing her hands, her eyes, her face...

Ср. с рус.: Он целовал ее губы, ее лицо, глаза...

Ср. с лит.: Jis bučiavo jos lūpas, veidą, rankas...

В приведенных группах предложений имеем противопоставление между формами Continuous и Indefinite. Формы Indefinite акцентируют внимание на самом факте осуществления действия, а Continuous — на его протекании, т. е. иными словами, за формами Continuous закреплено значение „представление действия (процесса) как расчлененного на фазы, распределенные по временному отрезку (каждой временной точке соответствует какая-то фаза протекания действия)”, за формами Indefinite — „представление действия (процесса) вне акцентирования внимания на его внутреннем членении, а противопоставление его в целом чему-то другому” [Селиверстова, Елисеева, 1982, с. 159–160].

Акцентирование внимания на реальном протекании события во времени способствует тому, что мы в качестве объекта действия можем ввести указание на ту часть, которая непосредственно затронута действием, иными словами, предложения такого типа описывают первый этап абстрагирования от действительности (наиболее приближенной к ней), и так как в событии участвует только часть, то при описании непосредственного протекания этого действия и возникает возможность указать на эту часть.

Напротив, формы Indefinite акцентируют внимание на самом факте осуществления действия, создают описание более опосредованное, отделенное от реального протекания, что и создает предпосылку для более глубокого осмысления действия и того, на кого это действие в конечном счете направлено.

Это предположение, видимо, относится не только к глаголу to kiss, но и к другим рассматриваемым нами предикатам со значением прикосновения, установления физического контакта.

Кажется, ту же роль, что и смещение акцента с факта осуществления на его протекание, играет изменение коммуникативной структуры высказывания.

При активной форме описываемое лицо характеризуется через действие, которое оно осуществляет, а действие в свою очередь характеризуется через объект². Если действие фактически затрагивает объект в целом (хотя и непосредственно направлено на его часть), то выбор в качестве дополнения слова, обозначающего эту часть, изменит харак-

² Вопросы об отношении характеристики рассмотрены в докторской диссертации О. Н. Селиверстовой.

теристику действия, т. е. оно будет представлено как затрагивающее только часть объекта, что не соответствует действительности.

При пассивной форме семантический объект никого не характеризует, напротив, он сам становится объектом характеристики, и это дает большую свободу в выборе между указанием на сам объект или на его часть.

2.1.1. Как уже говорилось выше, А. Вежбицка полагала, что в рассматриваемой модели могут употребляться только глаголы, связанные с соприкосновением субъекта с объектом через поверхность, а также указывалось, что употребление расширительной группы (в нос, в щеку) возможно лишь при одушевленных существительных. Ю. Д. Апресян [Апресян, 1971, с. 194] обратил внимание, что в данной модели могут выступать и глаголы некоторых других групп, при которых существительное необязательно характеризуется признаком одушевленности. Он приводит такие примеры: „поцеловать покойника в лоб, рвануть медведя в ухо, схватить рыбу за хвост, погладить жука по спине, взять (жареную) курицу за ножку, взять кресло за спинку, за ножки”.

Хочется поддержать это мнение Ю. Д. Апресяна. Нам представляется, что семантическая структура отношения в рассматриваемой модели при ее заполнении глаголами типа ВЗЯТЬ, СХВАТИТЬ сохраняется неизменной, хотя в случаях типа МЫ ВЗЯЛИ СТУЛ ЗА СПИНКУ И ПЕРЕ-НЕСЛИ вследствие лексического значения глагола ВЗЯТЬ предполагается другое отношение, собственно семантическое отношение сохраняется: здесь действие также затрагивает объект в целом — он переносится, а предложная группа обозначает место локализации физического контакта. Таким образом, на наш взгляд, в рамках данной модели могут употребляться не только глаголы, указывающие на соприкосновение с поверхностью объекта, но и глаголы типа БРАТЬ, ХВАТАТЬ. Некоторые из этих глаголов не только говорят о соприкосновении с поверхностью объекта, но и являются символами эмоционального отношения субъекта к объекту; такой признак характерен не для всех: глагол sting „жалить” лишен этого.

В случае когда эти два условия соединяются (физический контакт и эмоциональная подоплека), возможна только расширенная модель.

Если сохраняется только физический контакт, то исследуемая модель не всегда употребляется. Интересно, что она не употребляется в тех случаях, где само действие может служить знаком определенных отношений, и когда действие осуществляется не как знаковое, данная модель не может быть применена. К числу таких глаголов относится глагол to seize. Он употребляется в рамках данной модели только в тех случаях, когда является знаком определенного отношения субъекта к объек-

ту³. Так, можно сказать: He seized the boy by the throat, но: He seized the arms of the chair, или The wolf seized the boy's throat.

Представляется, что такое довольно четкое распределение в употреблении одной или другой синтаксической модели при глаголе to seize связано со снятием двусмысленности. Глагол to seize в синтаксической модели NVN₂ ргг. N₃ становится способным передавать определенное отношение, чувства к объекту, глагол to seize в синтаксической модели NVN₂ не несет такой информации.

Глаголы типа sting, которые обозначают действия, никогда не являющиеся знаковыми, свободно употребляются в рассматриваемой модели. Таким образом, возможность выбора той или иной модели выполняет дополнительные функции: снятия двусмысленности.

3.1. Итак, модель NVN₂ ргг. N₃ действительно образует особую синтаксическую модель — вне описания отношения посессивности меняется синтаксическая функция предложной группы:

ОН ПОЦЕЛОВАЛ ЕЕ В ЩЕКУ.

ОН ПОЦЕЛОВАЛ ЕЕ В КОМНАТЕ.

ОН ВЫМЫЛ ПОЛ В КОМНАТЕ.

Существуют особые предпосылки, позволяющие представить в качес ве объекта целое, а не его часть, несмотря на то, что действие касается части. Эти предпосылки в определенных условиях могут не работать. Одно из этих условий — представление действия в непосредственном его протекании.

Не только предикаты со значением контакта с поверхностью объекта употребляются в данной модели. На выбор модели может влиять также то, является ли описываемое физическое действие знаком определенного отношения субъекта к объекту. В некоторых случаях выбор данной модели способствует снятию двусмысленности.

³ Мы выражаем благодарность информанту, преподавателю английского языка, работающему на кафедре английского языка МГУ К. Бидэм, за предложенные примеры и комментарии к ним. Им же была указана и еще одна интересная особенность предложений типа He took the leg of the table и He took the table-leg. Несмотря на то что в обоих случаях синтаксическая модель является одной и той же: 'глагол + прямое дополнение', с семантической точки зрения различие между этими предложениями имеется: словосочетание с предлогом of (the leg of the table) несет информацию о противопоставлении одной части предмета другим его частям. В то время как второе — the table-leg — является абсолютно нейтральным и не содержит подобной информации.

THE CONSTRUCTION NVN₂ prep. N₃ AS A SYNTACTIC
MEANS OF EXPRESSING A POSSESSIVE RELATIONSHIP

J. GRIGALIŪNIENĖ

Summary

The purpose of this paper is to propose an analysis for the construction NVN₂ prep. N₃ which may be called possessive because a part-whole relation is necessarily implied between N₂ and N₃. An attempt is made to specify the circumstances under which the subject of the action (expressed by the predicate of touching) coming into contact with a part of an object may be said to be contacting with the whole of it.

The present paper also touches upon the problem of the notion of object. At present there is no adequate linguistic theory of object. We propose an interpretation according to which the grammatical object in the construction discussed is regarded as the true object of the action and therefore it cannot be considered irrelevant to "deep syntax".

An attempt has been made here to revise and enlarge the list of verbs used in the said construction.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, 1967 – Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М., 1967.

Апресян, 1971 – Апресян Ю. Д. О некоторых польских работах по лингвистической семантике. – Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971, вып. 14.

Апресян, 1974 – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.

Апресян, 1983 – Апресян Ю. Д. Синтаксические средства выражения possessивности. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тез. совещания. М., 1983, с. 4–9.

Головачева, 1981 – Головачева А. В. Семантико-синтаксический способ выражения категории possessивности. – В кн.: Структура Текста-81: Тез. симпозиума. М., 1981, с. 8–13.

Елисеева, 1982 – Елисеева А. Г. Семантические типы предикатов в английском языке. – В кн.: Семантические типы предикатов, М., 1982, гл. 3.

Крейдлин, 1983 – Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Сопоставительный анализ способов выражения отношения притяжательности в русском языке (падежная и предикатно-падежная формы). – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тез. совещания. М., 1983, с. 57–58.

Селиверстова, 1977 – Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и possessивных конструкций в английском языке. – В кн.: Категории бытия и обладания в языке. М., 1977, с. 5–67.

Селиверстова, 1982 – Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. – В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 86–157.

Селиверстова, 1983 – Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и possessивность в языке и речи: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1983.

Fillmore, 1969 – Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information. – In: Studies in Syntax and Semantics. Dordrecht–Holland, 1969, p. 109–137.

Ivič, 1970 – Ivič M. On the Part-whole Relation and Its Linguistic Consequences. –

In: *Studies in General and Oriental Linguistics*. Tokyo, Japan: TEC Company, Ltd, 1970, p. 281–286.

Murdoch, 1981 – Murdoch I. *The Sacred and Profane Love Machine*. – Penguin Books, 1981.

Wierzbicka, 1976 – Wierzbicka A. *Mind and Body*. – In: *Syntax and Semantics*. Vol. 7. New York, San Francisco, London: Academic Press, 1976, p. 129–157.

Wierzbicka, 1979 – Wierzbicka A. *Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar*. – In: *Studies of Language*, 1979, vol. 3, N 3, p. 313–383.

Wierzbicka, 1980 – Wierzbicka A. *The Case for Surface Case*. – Ann Arbor: Karoma, 1980.

**Институт языкознания
АН СССР, Москва**

**Вручено
в декабре 1984 г.**